

*Посвящается Агнес Матильде Кавендиш Гиббонс
и Джексону Блэру Миллеру —
самым удивительным и замечательным крестникам,
о которых только можно было мечтать.*

Роб

Убедиться, что у мужа есть другая женщина, мне помогла ветрянка.

Первый волдырь на коже Энни я обнаруживаю, когда купаю ее в ванне утром в тот день, когда нас пригласили к себе на праздник Гудвины. Окно — синий квадрат зимнего неба. На белой плитке резким силуэтом лежит тень от веток платана с облетевшими листьями. Энни сидит, скрестив ноги в чуть теплой воде, и шевелит губами, украдкой напевая какую-то песенку, предназначенную единственно для пластмассовых зверушек, покачивающихся на воде рядом с ней. Энни никогда не залезет в ванну, если вода в ней выше температуры тела. Ей не нравится ни слишком соленое, ни слишком сладкое, ни слишком кислое, а истории больше всего она любит те, в которых ровным счетом ничего не происходит. К крайностям она относится с подозрением. Она моя младшая дочь, и ее хрупкое здоровье очень меня беспокоит, чего никогда не было с Колли. Для девочки девяти лет Энни слишком маленькая, и окружающим нередко кажется, что ей меньше. Что до Колли, то о ней я тоже тревожусь, только совсем по другому поводу.

Праздник у Гудвинов давно стал январской традицией. Они называют его «вечеринкой по искоренению хандры». Это жизнерадостное семейство, обосновавшееся по соседству слева от нас. Их двое умных ребят, Натан и Сэм, примерно возраста Колли; у них интересные друзья и замечательный вкус во всем, что касается искусства, еды и вина. Это единственное в году мероприятие, которого с нетерпением ждет вся наша семья. У Гудвинов мы *веселимся как никогда*.

Энни наклоняется вперед и шепчет что-то резиновой уточке у нее на коленях. От вида ее ранимого позвоночника и мокрых, темных, прилипших к затылку прядок волос у меня к горлу подкатывает ком. Не знаю, как у других, но в моем случае грань между любовью и тошнотой нередко становится неразличимой.

— Руки вверх, — говорю я.

А когда Энни послушно выполняет команду, вижу красную отметину у нее на плече. И тут же ее узнаю. Потом кладу ладонь сначала ей на лоб, потом на спинку. И там, и там горячо — слишком горячо.

Энни чешет сыпь, я сжимаю ее ручку в своей ладони и ласково говорю:

— Прекрати, свеколка. От этого будет только хуже.

— Никакая я не свеколка, — тихо и недовольно отвечает она.

— Ну тогда капусточка.

— Нет!

— В таком случае, может, брюквочка?

— Нет, мам!

Но больше не чешется. Послушный ребенок.

Я вдруг ловлю себя на мысли, что и сама чешу руку из сочувствия, порой путая организмы своих детей со своим собственным.

Укладываю Энни в постель и шагаю в ванную, где у нас стоит шкафчик с полками, битком набитыми вещами активной семьи с двумя детьми. Отодвигаю старый сироп от кашля, одноразовые бритвы, маникюрные ножницы, препараты для диабета Ирвина, мои противозачаточные таблетки, ирригатор для полости рта, стоящий без дела, обезболивающие и сломанную пудреницу. Выдастся минутка, здесь надо будет навести порядок. Предмет своих поисков — полный пузырек каламина с побелевшим от налета горлышком, но все еще годный — нахожу у самой задней стенки. Я купила его несколько месяцев назад, когда у Колли обнаружилась экзема.

Температура у Энни тридцать восемь и шесть, а глаза блуждают еще больше обычного. Эх, и как я раньше ничего не заметила? На меня наваливается волна жгучей вины. Она чешет руку.

— Нет, солнышко, не надо, — говорю я, достаю из комода с зеркалом ее варежки, хватаю из ящика с инструментами Ирвина моток скотча и приматываю их к рукавам ее пижамы.

После чего даю ей тайленол и с ног до головы намазываю каламином.

— Роб! — зовет меня с лестницы Ирвин хриплым со сна голосом, кашляет, прочищая горло, и говорит: — Овсянка готова.

А через секунду добавляет:

— Кофе тоже.

Я присаживаюсь рядом с Энни, и мне на мгновение передается ее изнеможение. Присутствие дочери всегда оказывает на меня благотворное влияние и способствует удачным мыслям. Мы с Ирвином уже слишком давно катаемся на этой карусели.

Мысленно рисую в голове дерево возможных решений и их последствий. Затем спускаюсь сообщить дурную новость.

Колли на кухне вещает лихорадочным, высоким голосом.

— Его поймали! — говорит она. — Благодаря записи с камеры наблюдения на заправке. Это там он покупал цемент.

— Откуда ты об этом узнала, девочка моя? — с ноткой недовольства в голосе произносит Ирвин.

Мне его почти жаль. Колли обожает разглагольствовать об убийствах за завтраком.

— Что ты такое читала?

— Да так, — отвечает Колли, — там-сям. А женщину оправдали. Там очень трудно что-то доказать. Ему вкололи воздух — воздух и больше ничего. От этого развивается легочная эм-бо-ли-я. Или эмбаблия? Да нет, точно эмболия.

Я подхожу к Ирвину, колдующему над кофемашиной, и тихо говорю:

— У Энни ветрянка. Ничего не понимаю. Где она ее подхватила? Да и потом у нее прививка.

— Она не дает стопроцентной гарантии.

Глаза Ирвина глубоко ввалились в темные глазницы и сверкают, как две загадки. Минувшая ночь выдалась не из лучших.

— Надо полагать, мы вошли в процент тех, кому не повезло, — говорю я.

Он натянуто улыбается и накладывает овсянку в тарелку Колли, по внутренней поверхности которой, прямо над кромкой каши, бежит мултышный олень. Потом добавляет четыре клубнички и поливает все сверху тошнотворным сиропом, который так любит наша старшая дочь. Я предупреждающе кладу ему на плечо руку. *Не переборщи.* Организм Колли словно отказывается сообщать, когда ей уже хватит. Если за ней не следить, она будет есть до агонии, пока ее не стошнит. А с двумя больными детьми мне сегодня не справиться.

Ирвин отмахивается от меня, как лошадь от мухи, и подливает еще сиропа. Он обожает сладкое, которого ему нельзя, и поэтому кормит дочь пищей, которой хотел бы сам. Только вот сидеть с ней ночью потом придется совсем не ему.

Колли сидит за столом, не сводя с нас глаз. Моя попытка уговорить Ирвина не слишком усердствовать с сиропом явно не прошла мимо ее внимания. В груди пузырится чувство неловкости. Мне ни в жизнь не сказать, о чем думает Колли.

— Бедная Энни, — говорит она, обкусывая ноготок, — смайлик «грустная мордашка».

Привычка говорить на манер смайликов, этих крохотных картинок из текстовых сообщений, появилась у нее совсем недавно. Меня она то бесит, то кажется забавной.

Ирвин ставит перед Колли тарелку с кашей. Для своего возраста она крупновата, с бронзовой кожей, удивительно живыми зелеными глазами и широким угловатым лицом. Во время разговора оно кривится от усилия, будто его растягивают и сжимают, как аккордеон.

— Мама может приглядеть за Энни, — говорит Колли, — а мы с тобой, пап, пойдем к Гудвинам сами.

С этими словами она подцепляет пальцем немного каши из тарелки и сует ее в рот.

— Два смайлика: праздничный колпак и бокал вина.

У Ирвина и Колли что-то вроде небольшого клуба — только для них одних.

Он смотрит на меня, приподняв бровь. Точно так же он глядел на меня в баре, когда мы познакомились. Когда-то мое сердце от этого его взгляда билось резкими толчками. От его интимности. От молчаливого вопроса, ответ на который знаю только я.

— Возьми ложку, пожалуйста, — говорю я Колли. — Но предложенный тобой вариант не пройдет,

милая. Нам всем придется остаться дома. Переносчиком ветрянки может стать ваша одежда. На празднике будет много детей, и мы не можем подвергать их риску заболеть.

— Роб, — говорит Ирвин, — пусть идет.

Он ждет не дожидается надеть на себя маску, предназначенную для вечеринок, превратиться в симпатичного ученого и без конца приподнимать бровь в адрес тех, кто еще не видел этого бесчисленное количество раз. Но больше всего ему не терпится оказаться вместе с ней в толпе и издали переглядываться, разговаривая с другими людьми, оставляя на бокалах с вином влажные отпечатки, видя, как между ними через весь зал тонкой золотой нитью тянется страстное влечение. Я видела это раньше и наверняка увижу еще.

— Я хочу пообщаться с Натаном и Сэмом, — говорит Колли.

— Они живут с нами по соседству, так что ты можешь общаться с ними когда угодно, — отвечаю я.

— Но только если не переломаю себе ребра и не подхвачу гепатит, — гнет свое Колли. — А еще если не волью в себя отбеливатель и не умру.

— Колли, я тебя умоляю. Там будут малыши, беременные женщины и старики. Может, даже дети, не получившие прививок. Хочешь, чтобы они заболели из-за тебя? Это тебе не шутки. Так что остаемся дома. Уж я-то знаю, с какой скоростью распространяется эта зараза: стоит кому-то из моих четвероклассников загрипповать, и через неделю болеют все до единого.

Вопль Колли рождается где-то в брюшной полости, как рычание крупной кошки. Потом ракетой взмывает вверх, невероятно режет слух и набирает такую силу, что я воспринимаю его чуть ли не как удар и явственно вижу перед собой, будто звезды в ночи. Ирвин склоняется к ней и что-то шепчет на ушко. Крик Кол-

ли переходит в визг и становится все выше. Я смотрю мужу в глаза. Потом приподнимаю уголок рта — лишь самую малость. *Ну давай, пойди мне опять наперекор, —* мысленно адресую я ему. — *Не дрейфь, что же ты. Скажи Колли, что вы с ней отправитесь на эту тусовку.*

Он опускает взгляд и гладит дочь по плечу, нашептывая что-то об оладушках. Ее вопль обрывается и уступает место негромкому хихиканью. Они с Ирвином в упор смотрят на меня. Губы каждого расплываются в одинаковой едва заметной улыбке. Ее губы точно такие же, как у него. И это выводит меня из себя, хотя я и знаю, что беситься не стоит.

— Хватит! — рвется из моей груди крик. — Ты марш убираться в комнате. И простыни смени. Может, это позволит избавиться от странного запаха, который у тебя стоит.

Колли прикрывает рот и посмеивается в ладошку. Ирвин встает и принимается мыть посуду — с таким видом, будто все это его совершенно не касается. Я буравлю взглядом его красный затылок, над которым явно переусердствовал парикмахер, и испытываю жгучее желание чем-нибудь в него швырнуть — следуя его собственному примеру. Но это не в моей власти.

Я беру тарелку с недоеденной овсянкой Колли и несу на второй этаж. Затем горстями накладываю ее на сыпь Энни, чтобы утолить ее зуд. Она льнет к моей руке своей полыхающей жаром щечкой, и это приносит мне некоторое утешение.

* * *

Я отправляю Ханне Гудвин сообщение. *Прости, но Энни подхватила ветрянку, и нам всем лучше остаться дома. Смайлик «грустная мордашка».* Последние

слова злобно удаляю. Привычки Колли заразительны. *Хорошенько там повеселитесь, а на той неделе загляните как-нибудь к нам опрокинуть по стаканчику на террасе. Р.*

Внимательно перечитываю и заменяю *Р.* на *Роб х.* Так-то лучше. Выглядит вполне нормально.

— Ничего, скучать не будем, — говорю я Ирвину и Колли, — проведем день всей семьей. Фильмы, игры, китайская еда...

Предлагаемый другими фильм для просмотра вызывает у каждого из нас самые бурные возражения. Двигаясь по пути наименьшего сопротивления, в конечном итоге мы решаем посмотреть киношку, которая не нравится никому, — о парне, преследуемом огромным кроликом, который, весьма вероятно, существует лишь у него в голове. Ирвин сидит между мной и Колли, обнимая нас за плечи. Каждые полчаса я поднимаюсь к Энни посмотреть, как она. Сразу после одиннадцати утра у соседей раздается музыка. Звучит смех, доносятся возбужденные голоса, вскоре переходящие в лихорадочный гам. Пару раз слышен звон бьющегося стекла. Ирвин добавляет громкости, но фильм в своей невероятной глупости не в состоянии надолго удержать наше внимание.

— Пойду в магазин за овсянкой и каламином, — говорит он.

Я знаю, что это означает, — вижу по тому, как он едва заметно двигает желваками. Сначала действительно пойдет за покупками, но на обратном пути обязательно заглянет на вечеринку что-нибудь выпить. Один-единственный стаканчик, конечно же. Начнется, по крайней мере, именно так. Меня душит такая злоба, что я почти ничего перед собой не вижу. От черных точек рябит в глазах.

— У нас есть и овсянка, и каламин, — говорю я.

— Мама же сказала, что ты тоже мог заразиться, — произносит Колли, даже не думая шутить, — и из-за тебя может заболеть какой-то ребенок.

В душе полыхает редкая вспышка любви и благодарности к ней, хотя я подозреваю, что эти слова вызваны единственно нежеланием оставаться наедине со мной.

Я чувствую, что настроение Ирвина упало до нуля. Мы не произносим ни звука. Воображаемый кролик на экране по-прежнему преследует парня. От соседней доносятся радостные возгласы, перекрываемые джазом.

— Все, хватит, — наконец говорю я и выключаю кино.

По опыту знаю, что семейная жизнь именно такова. Сначала пытаешься вести себя, как образцовые домохозяйки в журналах и по телевизору, но потом на тебя всей своей тяжестью давит неудача.

По правде говоря, я не фанатка телевизора. Когда мне впервые довелось посмотреть боевик, я думала, что умру от волнения. Ощущение, по крайней мере, было такое. Мне совершенно невдомек, зачем заморачиваться просмотром мыльных опер или походами в кино. Я даже новости и те не смотрю и не читаю. Мне достаточно просто жить. Жизнь и без того яркая и мучительная.

Чтобы сломить сопротивление Ирвина, каждый раз требовались долгие месяцы настойчивых просьб и шантажа, но это сражение я все же выиграла, окончив колледж, устроившись в школу учительницей, а после рождения Энни вернувшись к работе. Ирвин чрезмерно привержен традиционным ценностям. Добиться своего мне удалось, лишь заполучив должность в школе, где учились девочки, что давало возможность проводить с ними весь день под одной крышей. Кроме того, мы нуждались в деньгах. Отец Ирвина прилично потерял во время кризиса.